

The background of the cover is a vibrant, painterly illustration. The upper half shows a large, multi-story white building with a red roof, likely a sanatorium, situated on a hillside. In the foreground, a man is submerged in clear blue water, his head tilted back and eyes closed, with bubbles rising from his mouth. Sunlight filters through the water, creating shimmering patterns on his skin. The lower half of the cover is a collage of various images, including a mountain, trees, and small photographs of people, all integrated into the underwater scene.

САНАТОРИЙ ПОСЛЕДНЕГО ЛЕТА

АЛЕКСЕЙ КОРНЕЛЮК

18+

Алексей Корнелюк

Санаторий последнего лета

<https://litres.ru/74181213>

SelfPub; 2026

Аннотация

Антон приезжает в заброшенный санаторий на берегу Чёрного моря, чтобы продать его застройщику и навсегда закрыть последнюю дверь в прошлое. Но в пустом бассейне он находит путь в тот август, когда его дочь Соня ещё была жива.

Теперь у него есть семь возвращений, чтобы изменить её судьбу. Цена каждого — один человек в настоящем забывает Антона.

Сначала исчезают случайные знакомые. Потом бывшая жена перестаёт помнить их брак. Ещё немного — и от него не останется ни одного воспоминания.

Антон уверен: если он найдёт правильного врача, скажет правильные слова и не повторит прежних ошибок, дочь выживет. Но прошлое упрямо возвращает его к вопросу, который он так и не задал Соне при жизни:

чего хочешь ты?

«Санаторий последнего лета» — роман о любви, которая слишком долго притворялась спасением, о вине, не имеющей срока давности, и о выборе между человеком, которого уже не вернуть, и жизнью, в которую всё ещё можно вернуться.

Алексей Корнелюк

Санаторий последнего лета

Санаторий последнего лета

Санаторий назывался «Август», хотя работал круглый год. В ноябре здесь лечили суставы, в феврале — нервы, а в мае, вероятно, людей от самой мысли, что впереди ещё одно лето. Теперь не лечили ничего. Ворота заросли плющом, вывеска потеряла две буквы, и получалось «А густ». Мать Антона говорила, что название можно восстановить за один день. Она вообще любила измерять чужую жизнь днями, необходимыми для ремонта.

Саму мать похоронили в апреле.

Санаторий достался Антону вместе с долгами, тремя судебными претензиями и сторожем, который не числился ни в одном документе, зато числился пьяным почти каждый вечер. Всё это называлось наследством. Люди придумали хорошее слово, чтобы не произносить «то, с чем покойный не справился и оставил тебе».

Антон припарковался возле ржавых ворот и ещё некоторое время сидел в машине. Кондиционер работал плохо, море пахло нагретыми водорослями, а с приборной панели на него смотрел пластиковый святой Николай. Его приклеила мать. Святой пережил её на четыре месяца и, судя по выражению лица, не чувствовал себя виноватым.

В бардачке лежала папка с договором.

Через девять дней Антон должен был передать санато-

рий компании «Южный берег». Компания собиралась снести здание и построить на его месте жилой комплекс с подземной парковкой, панорамными окнами и названием, в котором обязательно было бы слово «резиденция». Люди охотнее покупали квартиры, если им обещали, что они будут не жить, а резидировать.

Телефон завибрировал.

— Вы приехали? — спросил риелтор.

Его звали Глеб, но говорил он голосом человека, которого с рождения звали Договор.

— Стою у ворот.

— Сегодня нужно осмотреть главный корпус, сверить имущество и подписать акт предварительной передачи.

— Я помню.

— И бассейн.

Антон посмотрел через лобовое стекло на облупленную арку.

— Что бассейн?

— Его отдельно внесли в приложение. Как объект незавершённого демонтажа.

— Бассейн уже существует. Как он может быть незавершённым?

Глеб помолчал.

— Не знаю. Юристы так написали.

— Значит, существует неправильно.

— В девять утра через девять дней придет представитель

застройщика. До этого всё должно быть готово.

Антон отключился.

Девять дней. Мать управляла санаторием тридцать два года. Антону дали девять дней, чтобы разобрать её жизнь по описи и передать людям в белых касках. Срок казался даже щедрым. Квартиру после её смерти он освободил за три.

Он вышел из машины и сразу вспотел. Август навалился на плечи, как родственник, которого не приглашали, но который всё равно приехал и теперь требует отдельную комнату. За воротами стрекотали цикады. Где-то внизу, за деревьями, шумело море. Звук был ровный и равнодушный. Море никогда никого не утешало. Оно просто шумело достаточно громко, чтобы люди принимали это за участие.

Замок на воротах не поддался.

Антон попробовал второй ключ, третий, четвёртый. Мать носила связку из двадцати семи ключей, хотя в последние годы открывала только квартиру, кабинет и аптечный шкаф. Остальные звенели при ходьбе, словно предупреждали окружающих: идёт человек, у которого всё под контролем.

Пятый ключ повернулся.

Ворота открылись с таким звуком, будто санаторий не хотел впускать его, но был слишком стар, чтобы сопротивляться.

Дорожка к главному корпусу заросла травой. По обе стороны стояли гипсовые вазоны, давно пустые. Один лежал на боку, другой наполовину ушёл в землю. На лестнице валя-

лась детская резиновая уточка. Она была жёлтой, выцветшей и смотрела на Антона с необъяснимым упрёком.

Он пнул её в сторону.

Уточка перевернулась и продолжила смотреть.

Главный корпус поднимался над кипарисами — белый, длинный, местами серый от времени. Балконы с тонкими колоннами, арочные окна, круглая башня на правом крыле. Когда-то здание считали красивым. Теперь красота в нём оставалась примерно так же, как остаётся хорошая осанка у очень старого человека: бесполезно, но заметно.

Над центральным входом сохранилась надпись:

САНАТОРИЙ «АВГУСТ»

Кавычки проржавели сильнее остальных букв. Название выглядело неуверенно, будто само не до конца верило, что это действительно санаторий и действительно август.

Возле дверей сидел сторож.

Он был в майке, спортивных штанах и одном тапке. Второй стоял рядом, аккуратно, словно отдыхал отдельно.

— Вы Антон Михайлович? — спросил сторож.

— Да.

— А я Виктор Семёнович.

— Я знаю.

— Откуда?

— Вы мне звонили двенадцать раз.

— Значит, познакомились заочно.

Виктор Семёнович поднялся. Ему было около шестидеся-

ти, но он держался так, будто возраст наступил внезапно и застал его неподготовленным.

— Электричества нет, — сообщил он.

— Знаю.

— Вода только в летнем душе.

— Знаю.

— В третьем корпусе живёт женщина.

Антон остановился.

— Какая женщина?

— Обыкновенная. Волосы, руки. В основном молчит.

— Почему она там живёт?

— Потому что в других корпусах крыша течёт.

— Кто её пустил?

Виктор Семёнович задумался.

— Наверное, я.

— А почему?

— Она попросила.

Логика была безупречной и поэтому особенно раздражала.

— Санаторий закрыт.

— Я ей говорил.

— И?

— Она согласилась.

Антон посмотрел на него.

— Вы пьёте?

— Только вечером.

— Сейчас четыре часа.

— Я заранее.

Антон открыл дверь главного корпуса. Внутри пахло сыростью, пылью и чем-то медицинским, хотя никаких лекарств здесь давно не было. Запах хлорки въелся в стены и пережил пациентов, врачей и государственную лицензию. Возможно, именно он теперь управлял зданием.

В холле стояли кресла с зелёной обивкой. За стойкой регистрации висели часы. Они показывали без двенадцати три.

— Они остановились? — спросил Антон.

— Нет, — ответил сторож.

— Сейчас четыре.

— Значит, спешат в другую сторону.

Антон не стал уточнять.

На стойке лежал журнал регистрации. Последняя запись была сделана три года назад: семья Кондратьевых, двое взрослых, ребёнок, номер 118. Ни даты выезда, ни подписи администратора. Ниже кто-то нарисовал ручкой море, солнце и человека с очень длинными руками.

Антон закрыл журнал.

— Покажите, где документы.

— В кабинете вашей матери. Я ничего не трогал.

— А кто трогал?

— Не знаю.

— Почему вы решили, что кто-то трогал?

— Там иногда свет горит.

Антон посмотрел на тёмный коридор.

— Электричества же нет.

— Поэтому и заметно.

Виктор Семёнович сказал это спокойно. Потом надел второй тапок, словно выполнил служебную обязанность.

Кабинет матери находился на первом этаже, рядом с бывшим процедурным отделением. Дверь открылась первым ключом. Здесь всё осталось почти так, как при её жизни: массивный стол, шкаф с папками, карта побережья, фотографии сотрудников на стене. На подоконнике стоял засохший фикус. Мать поливала его двадцать лет и однажды сказала, что растения благодарнее людей. Фикус умер через неделю после неё. Видимо, переоценил себя.

Антон поставил папку с договором на стол.

В верхнем ящике лежали ручки, скрепки, таблетки от давления и конфеты «Коровка», затвердевшие до состояния строительного материала. В нижнем — ключи. Некоторые были подписаны выцветшими бумажками: «котельная», «склад белья», «214», «прачечная».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.